

Ибрагимбеков Максуд Фисташковое дерево

Это же очень просто - схватить вот этими вот щипцами шипящее в красном пламени осиное тело зажигательной бомбы, окунуть его в приготовленную здесь же, на крыше, бочку с водой и смотреть, потом, как из этой бочки повалит пар. И чтобы выли сирены, и стреляли зенитки, а на небе плясали лучи прожекторов. Эх!.. Но в войну на Баку бомбы не падали. Ни одной не упало. Кажется, об этом никто в городе не пожалел, никто, кроме нас - ребят с нашего двора. Очень уж нам хотелось утопить хоть одну бомбу, не зажигательную даже, а какую-нибудь другую. Ничего из этой затеи не получилось. Напрасно до поздней ночи мы просиживали в ожидании налета на крыше. И щипцы напрасно провисели на щите, и крючья, и топоры.

Щит висел на стене, и на нем подробно было написано, что делать во время налета. Мы это наизусть знали. И напрасно. Так все это и провисело всю войну. Никакой пользы. Только и развлечение, когда раз в месяц приходил управдом и менял воду в пожарной бочке. Вода в бочке была темно-зеленая, прямо черная, и управдом все обещал, что в ней заведутся головастики, но они так и не завелись. Видно, чувствовали, что в конце концов воду в бочке сменят и им всем тогда придется худо.

Вообще управдом у нас было хороший. Он и в наши дела никогда не вмешивался, а когда мы построили во дворе штаб армии, он обошел его вокруг, потрогал стенки ногой и попросил, чтобы мы в этом штабе уж как-нибудь обошлись без крыши, а то, если крыша обвалится, кому-нибудь из нас придется плохо, ну и ему, управдому, тоже - за то, что разрешил. Так мы и не построили крышу. Правда, она нам и не нужна была. В штабе мы со-бирались только на военные советы, а оружие хранили в подвале.

Оружие у нас было самое разное. Сабли мы делали сами: брали обруч от бочки, выпрямляли его, перерубив сперва зубилом, обматывали ручку тряпкой. Получалась вполне приличная сабля. Кроме сабель у нас были ружья без прикладов, два револьвера, оба без барабанов, и немецкие каски. Все это мы нашли на свалке у Сальянских казарм. Там лежали на траве целые горы всякого оружия, стволы зениток, ручки от гранат, танки без гусениц и два самолета со свастикой. Говорили, что если там покопаться как следует, то можно найти станковый пулемет или противотанковую мину. Мы искали, но так и не нашли ни мины, ни пулемета. Зато патронов мы там находили очень много. И гранаты без запалов. Патроны мы собирали в коробки из-под консервов и в подвале разводили под этими коробками костер, а сами сидели во дворе и ждали, что будет.

Каждый раз было одно и то же - в подвале начиналась страшная перестрелка: это рвались в коробках патроны. Из всех дверей выскакивали перепуганные соседи. Они никак не могли понять, что происходит. Ну, мы, конечно, делали вид, что мы тут ни при чем, а тетя Сури через некоторое время начала рассказывать, что в подвале живут спекулянты, которые по ночам стреляют друг друга. И ей уже кое-кто из соседей начал верить, когда однажды во время грохота и треска в подвале прибежал патруль и сразу же начал гоняться за нами. До сих пор не могу понять, как это патрульные догадались, что патроны взрывали мы. Прямо фокус какой-то! Ясно, нас они поймать не сумели, только пригрозили, что сообщат в школу. С тех пор патроны мы больше не взрывали. В войну, конечно, мы играть продолжали.

Дом у нас большой и, по-моему, очень красивый. Он двухэтажный, и во весь второй этаж тянутся балконы. А во дворе растет огромное фисташковое дерево, такое огромное, что от него на балконе второго этажа всегда тень. Очень удобное дерево. Мы, когда играли в разведчиков, прятались среди его ветвей, и никто ни за что тебя там не найдет. Ни в одном дворе Баку не росло больше такое огромное фисташковое дерево. А осенью поспевали фисташки, и мы их рвали и поровну делили между всеми соседями. Фисташки мы сперва собирали в штабе, получалась целая гора, а потом разносили по квартирам, - в каждую квартиру огромный кулек. И все говорили нам спасибо.

Мы вообще все приносили в штаб. В школе нам давали на завтрак то вермишелевую

бабку, то пирожок: один день бабку, другой - пирожок, а кисель давали каждый день. Ну, кисель мы, конечно, выпивали в школе, а бабку или пирожок приносили в штаб, каждый приносил, и все вместе там завтракали. Мама говорила, что пирожки эти совершенно непитательны, что они с вареным крахмалом. Может, они и вправду с крахмалом, но зато, если бы знали, какие это были вкусные пирожки!

Все наши дела мы решали в штабе. Если у кого-нибудь из нас заводились деньги, мы покупали в магазине на улице Базарной погоны и звездочки. За каждый подвиг мы выдавали новую звездочку, так что скоро у нас во дворе не осталось ни одного рядового, все стали полковниками, генералами и маршалами, а две девочки - Намида и Тося - получили звание санитарок-генералов. Все мы знали, что девчонки не могут быть генералами, но иначе они не соглашались нас перевязывать, а это нужно было делать после каждого боя.

Воевали мы с ребятами двух дворов с нашей улицы. Здорово воевали. Выходили все на улицу и рубились на саблях. Даже движение на улице останавливалось, и посмотреть на эти бои выглядывали в окна все соседи. Иногда бывало, что кого-нибудь ранило, но никогда еще не случилось, чтобы раненый заплакал. У нас таких не было. А после боя мы обменивались пленными и трофеями. Наш двор часто побеждал, у нас было больше опытных полководцев и храбрых бойцов. Каждый день мы играли в войну, а где-то шла настоящая война, и о ней мы слышали от взрослых, но никогда не казалась она нам страшной.

Потом у нас во дворе появились новые соседи. Мальчик и девочка. Они были немного младше нас, и мы не знали даже, как их зовут. Они всегда были вместе и, сидя рядышком на лестнице, смотрели, как мы маршируем по двору или рубимся на саблях.

Им дали комнату на первом этаже, и они жили там со своей матерью. По-моему, она нигде не работала, потому что никогда из дому не уходила и всегда стирала. Стирала беспрерывно в тени под фисташковым деревом. Стирала с утра до вечера. Иногда только разгибалась, растирала поясницу, поправляла волосы и снова нагибалась над корытом. Наши соседи говорили, что она прачка, берет стирать из прачечной на дом. Наверное, так оно и было: не может быть у одной семьи столько белья, сколько стирала она. Белье после стирки она развешивала на веревках во дворе, где только возможно, и страшно ругалась, если кто-нибудь до него дотрагивался.

Эту женщину боялись даже ее собственные дети, до того у нее был плохой характер. Словом, жить - у нас во дворе стало просто трудно. Не то что воевать, а даже нельзя было устроить дымовую завесу. Мы ее устраивали, заворачивая киноленту в бумагу и потом поджигая этот сверток. Соседка говорила, что на белье от дымовой завесы садится копоть. Мало того, что она стирала, так она еще воду после стирки выливала из корыта под фисташковое дерево. А вода в корыте была поташная: мыла-то во время войны не было.

Первое время она выливала воду после стирки в помойку, но потом ей, видно, стало трудно - помойка была в подворотне, на другом конце двора, а она тоненькая, прямо жилы вздувались на руках, когда она стирала. Другой мы, конечно, помогли бы как-нибудь, а этой боялись: до того она всегда была сердитая. Моя мама говорила, что у людей от трудной жизни портится характер, но ведь во время войны всем приходилось трудно. Вот моя мама работает с утра до ночи, а стоит ей прийти домой и увидеть, что я вымыл пол или посуду, так она уже улыбается, и я вижу, что вся усталость ее прошла... Если у всех людей будет такой характер, как у новой соседки, то хоть из дому беги.

А она все продолжала стирать и дети у нее ходили грустные, а воду после стирки она продолжала сливать под фисташковое дерево. Наш управдом как-то сделал ей замечание; а она отошла от корыта, вытерла руки и что-то вполголоса ответила ему. Наш управдом покраснел и сразу же ушел и несколько дней во дворе не показывался, а мы все гадали, что могла сказать управдому новая соседка. Тетя Сури потом ходила и говорила, что у нее язык не поворачивается повторить то, что сказала новая соседка управдому, потому что она, тетя Сури, стесняется, но ее никто и не просил ничего повторять, все мы были заняты своими делами, а тете Сури очень хотелось, чтобы ее попросили.

Но мы все-таки продолжали играть в войну и назначили в субботу после школы бой со

двором № 28. И вдруг случилась вся эта история с фисташковым деревом.

Утром, когда мы обычно встречались во дворе, чтобы всем вместе пойти в школу, кто-то взглянул на фисташковое дерево и вскрикнул. Мы все посмотрели на дерево и глазам своим не поверили, прямо как во сне все это было: дерево стояло голое, листья с него за одну ночь все опали, а на голых ветвях висела почерневшие гроздья фисташек.

Ну и шум во дворе поднялся! Вообще у нас во дворе не прочь поскандальить, особенно летом, а один раз, когда одна соседка назвала другую фашисткой, даже чуть не подрались, но такого шума, как в этот день, еще не случалось. Все разом кричали, и ничего нельзя было понять. Я только слышал, как одна из соседок сказала: "Загубила-таки, подлая, дерево!" Это про новую соседку. А другая все говорила, что надо позвать агронома, может быть, еще можно дерево спасти.

Новая соседка вышла на шум, молча послушала, как будто весь этот шум к ней не относится, а потом, изо всех сил хлопну дверью, ушла к себе.

В тот же день пришел агроном. Он осмотрел фисташковое дерево, сказал, что от него пользы разве только что дрова, ушел.

В этот день была суббота, и мы отменили бой с домом № 28. Нам было наплевать, что подумают о нас ребята этого двор. Мы сидели в штабе. Собрались все и обсуждали, что нам сказать новой соседке. Мы решили сказать ей все, что мы о ней думаем. Сказать, что она злая и глупая женщина и что мы не хотим, чтобы она жила в нашем доме.

Мы подошли все вместе к ее дверям и постучались. Мы постучались несколько раз, но никто нам не ответил, и тогда мы вошли в комнату. Вошли все.

Она сидела на кровати и плакала. Никогда в жизни я больше не видел, чтобы люди так плакали. На нас она не обратила никакого внимания и продолжала плакать, прижав к лицу пухшие от стирки руки с синими жилами. Ее мальчик и девочка несколько секунд после нашего прихода испуганно молчали, а потом дружно заревели и бросились к матери.

А мы стояли перед нею - полковники, генералы и маршалы и молчали. И каждый пытался проглотить какой-то комок, который сидел где-то в горле, и никак не мог его проглотить. Кажется, мы хотели ей сказать, что ни одно дерево в мире, даже самое прекрасное, не стоит слез, и, может быть, мы бы ей так и сказали, если бы были взрослыми... А впрочем, кто знает, что говорят в таких случаях взрослые.

Мы все повернулись и ушли в наш штаб. Мы взяли все деньги, собранные на погоны и звездочки. Мы пошли на Кубинку, а за нами - все ребята из дома № 28. На Кубинке мы долго искали, где продаются саженцы. Нам предлагали купить рубашки, свиную тушенку, консервы и кокосовое масло. Мы отвечали, что нам не нужны ни яичный порошок, ни патефонные пластинки. Мы говорили, что ищем фисташковое дерево. Наконец мы подошли к месту, где были свалены в кучу саженцы, а в банках лежали какие-то семена. Мы подошли к продавцу и попросили у него фисташковое дерево.

- Банановое дерево? - сказал продавец и подмигнул соседу.

Мы сказали, что нам нужно фисташковое дерево, и отдали ему деньги. Продавец отобрал из кучи лежавших на земле саженцев один и протянул нам. Он сказал, что это самое что ни на есть фисташковое дерево, фисташковой не бывает, и посоветовал чаще его поливать.

Мы несли его домой все по очереди. Целый день мы занимались тем, что рыли яму и рыхлили вокруг землю, а потом пошли собирать для нашего дерева навоз, а с нами пошли ребята из дома № 28.

А после этого все вместе пошли к новой соседке и сказали ей, что мы посадили другое дерево и ей не над чем больше плакать, только теперь надо быть осторожнее и не поливать его больше водой с поташом, и тогда все будет в порядке.

Она нам всем погладила головы, а потом сказала, чтобы мы немедленно ушли или она сию же секунду расплачется. И голос у нее был очень странный, как будто ей было отчего-то очень больно. И лицо у нее было заплаканное, но все равно очень красивое. Кажется, она все-таки плакала после нашего ухода, а может быть, нам послышалось.

Вечером мама сказала мне, что у новой соседки убили на войне мужа, и она вчера получила об этом извещение. В этот День у нас во дворе перестали играть в войну...

А дерево наше выросло, но оказалось деревом какой-то неизвестной породы, а никаким не фисташковым. Мы его поливаем все, аккуратнее всех - наша новая соседка, а впрочем, какая она новая - ведь уже прошло двадцать лет. И в тени этого дерева собираются побеседовать наши соседи. И никто не жалеет, что оно не фисташковое.

1968